Глава 10.

РОССИЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В МИРЕ БУДУЩЕГО

Основной автор: ***Ф.А. Лукьянов****,

Председатель Президиума СВОП,
главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Краткая предыстория

Каков исторический контекст, в котором сформировалась сегодняшняя ситуация?

Первая фаза новейшего мирового развития (1991 – начало 2000-х) характеризовалась геополитическим, экономическим и идейным доминированием Запада во главе с США, которую основные участники международной политики принимали как естественное следствие победы западной модели в холодной войне. Право и способность Запада выстраивать мировую систему по своим лекалам практически не подвергались сомнению, хотя и далеко не все считали это справедливым. Уверенность Запада в себе, в частности, проявилась и в том, что два берега Атлантики, объединившиеся после Второй мировой войны для надежного обеспечения собственной безопасности, перестали воспринимать такой альянс как жизненно необходимый. Амбиции Европейского союза, намеревавшегося обрести геополитическую субъектность, и переориентация приоритетов США на иные направления показали, что и в Вашингтоне, и в европейских столицах не видят внешних угроз, которые требовали бы прежнего уровня консолидации усилий Запада.

* Автор благодарит за идеи и замечания всех участников ситуационного анализа «Будущее Европейского союза», состоявшегося 15 марта 2013 г., и ситуационного анализа «Состояние и перспективы интеграции на евразийском пространстве», прошедшего 20 мая 2013 г.

Особую благодарность автор выражает Афонцеву С.А. - заведующему отделом экономической теории Института мировой экономики и международных отношений РАН, Бордачеву Т.В. – директору Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; Борко Ю.А. – руководителю Центра европейской документации Института Европы РАН; Винокурову Е.Ю. – директору Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития; Грозину А.В. – заведующему отделом Казахстана и Центральной Азии Института стран СНГ; Ефременко Д.В. – главному научному сотруднику ИНИОН РАН; Журавлеву А.В. – директору по стратегическому планированию и анализу компании «Telecomconsult»; Капырину И.Н. – заместителю директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России; Коктышу К.Е. – доценту кафедры политической теории МГИМО; Кондратьевой Н.Б. – доценту кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции НИУ ВШЭ; Кузнецову А.И. – директору Историко-документального департамента МИД России; Макарову И.А. – преподавателю кафедры мировой экономики НИУ ВШЭ; Мироненко В.И. – руководителю Центра украинских исследований Института Европы РАН; Павлову А.Н. – заместителю директора Национального института развития РАН; Полянскому Д.А. – заместителю директора Первого департамента стран СНГ МИД России; Романовой Т.А. – профессору им. Ж. Монне, зам.заведующего кафедрой европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; Силаеву Н.Ю. – старшему научному сотруднику Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД России; Соколову С.О. – директору по связям с органами власти и корпоративным вопросам в России и СНГ компании «NIKE»; Солтановскому И.Д. – директору Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России; Спасскому В.В. – директору Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии; Танаеву К.В. – д иректору Института современных медиа, автору и ведущему телепрограммы «Общий рынок».

Автор благодарит участников круглого стола СВОП «Современный мир: чего боятся России», прежде всего основных докладчиков Балуевского Ю.Н., генерала армии, бывшего начальника Генерального штаба ВС РФ, Золотарева П.С., генерал-майора, заместителя директора Института США и Канады РАН, Сивкова К.В., вице-президента Академии геополитических проблем.

Специальная благодарность партнерам СВОП по организации международной конференции «Демократия и меритократия: совместимы ли два принципа», особенно Ивану Крастеву, президенту Центра либеральных стратегий (София).

Автор благодарит декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, почетного председателя Президиума СВОП Караганова С.А. за замечания и рекомендации по работе над итоговым текстом доклада.

Автор также благодарит за помощь координатора рабочей группы «Россия: внешняя политика в мире будущего» Программы СВОП «Стратегия XXI» Макарову Е.А.

Второй этап (2003 – начало 2010-х) сопровождался эрозией западного влияния и стал свидетельством ограниченности сил и возможностей даже такой мощной сверхдержавы, как Соединенные Штаты. Относительные неудачи Запада (де-факто проигранные войны на Ближнем и Среднем Востоке, половинчатая политика на постсоветском пространстве, перенапряжение ЕС) накладывались на быстрый подъем (Китай, Индия) или восстановление (Россия) крупных незападных держав с альтернативными взглядами на мироустройство. Это, однако, не принесло перемен в структуре мирового управления – и формальные (международные организации), и неформальные (взаимоотношения больших стран) институты функционировали (точнее все чаще демонстрировали дисфункцию) в рамках, сохранившихся с эпохи холодной войны.

Результатом стал рост недовольства не только поднимающихся держав, но и менее крупных игроков, которые ранее признавали верховенство «грандов». Это создало еще более спонтанную и малопредсказуемую среду. Мировой финансовый кризис, начавшийся в Америке, а потом перекинувшийся на Европу, усугубил процессы перераспределения сил и влияния, однако не стал переломным моментом и не внес упорядоченности, поскольку пострадали все, но в разной степени и неравномерно. Кризис дополнительно подорвал доверие к западной модели, хотя и не привел к появлению очевидных альтернатив.

В целом к середине 2010-х годов можно констатировать исчерпанность мировой повестки дня, сложившейся после окончания холодной войны, крайне ограниченную дееспособность традиционных институтов глобального управления, которые просто не соответствуют новой ситуации, рост конфликтности международных отношений. Конфликтность не переходит в открытое противостояние крупных стран по двум причинам – наличие у потенциальных участников конфронтации ядерного оружия и очень высокая степень взаимной экономической зависимости. Проявлениями нарастающей напряженности становятся многочисленные локальные кризисы, прежде всего связанные с внутренними процессами в нестабильных государствах, которые выплескиваются за их границы. Отсутствие общего подхода к решению таких конфликтов, согласованного «грандами», усугубляет хаос, поскольку каждый из значимых игроков пытается извлечь из них собственные дивиденды (в основном безуспешно – см. опыт «арабской весны»). Невозможность «отремонтировать» прежнее устройство мира очевидна, хотя пока никто не готов инициировать его кардинальный пересмотр. Тем не менее, стратегическое планирование ведущих стран (в той степени, в какой оно вообще возможно с учетом всего вышеизложенного) начинает исходить из того, что предстоит перегруппировка сил и формирование в обозримом будущем новой парадигмы международных отношений.

Несмотря на подъем Азии, его пределы уже можно предсказать. Китай исчерпывает возможности «легкого» роста. Прежняя модель, основанная на огромных ресурсах дешевой рабочей силы, экономической открытости (за степенью которой, однако, внимательно следит государство) и сознательном уходе в «тень» мировой политики, себя изживает. Рабочая сила дорожает, а ее запросы растут. Открытость грозит чрезмерной зависимостью от неустойчивой конъюнктуры на экспортных рынках. А оставаться в тени и скрывать амбиции уже невозможно – сам факт наличия КНР в мировой политике и экономике вызывает настороженную реакцию (и как следствие противодействие) практически повсеместно.

Западное сообщество вплотную подошло к необходимости глубокой перестройки. Жизнь в долг, которая обеспечивала социально-экономический прогресс после холодной войны, заканчивается. Одним только бюджетно-финансовым оздоровлением не обойтись, требуются новые источники роста, адаптированные к условиям глобальной конкуренции. С одной стороны, это следующий технологический уклад. С другой – меры по консолидации экономических возможностей и повышению конкурентоспособности. Одними лишь экономическими мерами ограничиться не удастся. Поскольку кризис носит системный характер, меры по его преодолению могут оказаться излишне жесткими, чтобы получать одобрение стандартными демократическими способами. Неизбежные болезненные трансформации и гарантированная реакция на них может привести к ужесточению политических систем в странах, наиболее пострадавших от политики оздоровления, в странах Запада в целом – к частичному отчуждению от того типа демократии, который был достигнут к началу XXI века.

Что будет?

На третьем этапе после холодной войны ведущие силы осознают неизбежность кардинального переустройства. Любой глобальный сдвиг влияния чреват крупными потрясениями. Какого рода соперничество можно ожидать?

Классическое военно-политическое противостояние, последним аргументом которого является применение силы, становится уделом держав второго ряда. Наличие значительных ядерных арсеналов у крупных стран обеспечивает неприменение против них средств прямого военного давления, ограничивает войны на уровне мировых. С этой точки зрения ядерное оружие продолжает выполнять функцию гаранта мира, которую оно играло в годы холодной войны. Соответственно, выяснение отношений глобальных конкурентов на поле боя, что испокон веку служило способом установления иерархии, практически исключено. Возможно непрямое участие крупных стран в локальных конфликтах либо военное отражение угроз с территории сопредельных стран, однако ни то, ни другое не приведет к столкновению интересов такого масштаба, которое будет в состоянии изменить общую расстановку сил. Использование военной силы может нарастать при выяснении отношений между странами, претендующими на лидерство в конкретных частях мира.

Разрыв существующей сегодня экономической взаимозависимости практически невозможен без гигантских издержек для всех участников. Однако это не значит, что подтверждается вера и начала, и конца XX века о благотворном влиянии глобализации (взаимозависимости) на устранение великодержавного соперничества. Оно, напротив, обостряется, но на других театрах – не в Евро-Атлантике, а на Тихоокеанском пространстве и в том, что касается установления правил игры, прежде всего экономических, в глобальном масштабе.

Меняется характер глобальной среды. Повсеместная критика, которая звучит в адрес «стихии глобальных рынков», их неэффективность, продемонстрированная кризисом, начавшимся в 2008 г., заставляет правительства искать пути их обуздания. Идея универсальной «глобализации без границ» уступает место стремлению сделать ставку на восстановление государственной власти, строительство региональных и мета-региональных экономических групп, которые объединены общими правилами и принципами и, соответственно, более управляемы. Как предполагается, они должны быть достаточно мощными, чтобы навязывать соблюдение этих правил и принципов конкурирующим субъектам. Диктат – мягкий или жесткий – в сфере формулирования норм и правил становится основной формой обеспечения влияния.

Так пытался вести себя Европейский союз, однако ему не хватило сил и политической воли, проект европейской интеграции в том виде, в каком он предполагался в конце XX века, вероятнее всего, близится к закату, далее он будет функционировать в двух-трех ярусном формате с намного более скромными внешними устремлениями. Реанимация та-

кого подхода возможна в рамках более крупного проекта – всего западного сообщества во главе с США, которые, несмотря на многочисленные проблемы и «имперское перенапряжение», гораздо больше, чем Европа, способны к перепрограммированию и изменению тактики мирового лидерства.

Понятно, что и в Соединенных Штатах этот процесс будет проходить болезненно. *До конца текущего десятилетия можно ожидать обострения общественно-политической поляризации и жестких столкновений (в том числе на судьбоносных выборах 2016 года, где во многом будет решаться направление дальнейшего движения страны, точнее – объем и формы, в которых Америка будет пытаться восстанавливать глобальное лидерство). Но США как национальное государство, способное на принятие суверенных решений (в отличие от так и не ставшего единым политическим субъектом Евросоюза) и обладающее огромной совокупной мощью (практически по всем параметрам силы), как уникальная и весьма энергичная цивилизация, имеют лучшие шансы на новое «возрождение».*

Выдвинутые администрацией Барака Обамы в 2011-2013 годах идеи Трансатлантической и Транс-Тихоокеанской зоны свободной торговли, намечают новую цель. Фактически Соединенные Штаты хотели бы вести дело к воссозданию на новых основаниях единого политико-экономического Запада во главе с Соединенными Штатами по смягченной модели холодной войны. На сей раз он будет противостоять не конкретному противнику, наподобие Советского Союза, а любым конкурирующим общностям, также стремящимся консолидироваться и прежде всего – Китаю и группировкой, которая неизбежно будет возникать вокруг него в качестве реакции на американскую инициативу. Решающее значение имеет то, удастся ли США начать решать свои экономические проблемы и преодолеть признаки паралича политической системы. В случае успеха их первенство в обновленном альянсе никем не будет ставиться под сомнение. Европа, по сути, признала провал попытки соперничать с Америкой и смирилась с невозможностью вернуть себе глобальный статус. Поколебавшись в конце 2000-х годов по поводу целесообразности создания предлагавшегося Россией единого экономического, энергетического, человеческого, политического пространства («Союза Европы»), Европа теперь неявно делает ставку на подчиненное положение в роли младшего союзника США. Пока трудно судить, насколько такой союзник нужен Америке, а если да, то на каких условиях. Как более сильный партнер, переживающий падение цен на углеводороды в результате энергетической революции, всерьез задумывающийся о реиндустриализации, Соединенные Штаты, вероятно, предложат Старому Свету позицию деиндустраилизованного сервисного придатка. Между тем российское предложение как раз предусматривало обратное – совместную реиндустриализацию во имя укрепления мировых позиций. Отказ ЕС от движения к союзу с Россией был вызван малой дееспособностью самого Евросоюза, а также негативными оценками ее модели и главное – вектора развития, в котором усматривают усугубляющуюся стагнацию. Обострение риторики Европы в отношении российской политико-экономической модели в последние два года, по сути, является отражением этого подспудного выбора основного партнера по интеграции – России или США.

Объективно тесное взаимодействие с Россией с элементами глубокой интеграции более выгоден и перспективен для Евросоюза. Возвращение к этой идее возможно при определенных условиях. С одной стороны, если изменится атмосфера в самой России,

ныне не благоприятствующая позитивному настрою даже собственных граждан, не говоря уже о многих внешних партнерах. С другой – если процесс нового объединения Запада столкнется с глубокими противоречиями, поскольку помимо различных интересов во многих сферах существует еще фактор статуса и нежелания ряда европейских лидеров превращаться в «приложение» к Америке. Обновленный Запад может включать в себя и страны АТР (прежде всего Япония), которые ощущают себя неуверенно в условиях роста КНР, а потому все больше тяготеют к США. (Заметно и повышение в этой связи их интереса к России, правда, не в качестве альтернативы).

Это гипотетическое сообщество будет обладать крупнейшей совокупной мощью. НАТО, утратившая миссию с концом холодной войны, обретет новый смысл – обеспечение экономических и политических интересов большой и тесно взаимосвязанной группы стран. Ценностная близость (все они разделяют приверженность тем или иным вариациям западной демократической модели) поможет сплочению, хотя не она станет определяющим критерием участия. Наличие у Запада традиции идеологической экспансии и универсальной культурной базы, которую он настойчиво предлагает остальным, является конкурентным преимуществом, поскольку Китай, например, не имеет ни того, ни другого – китайская культура не экстраполируется на страны, принадлежащие другой традиции. Тем не менее КНР, естественно, является главной альтернативой Западу просто самим фактом своего существования и успешного развития. Все неудачи западного мира будут автоматически играть на повышение статуса и влияния Китая, стремится он к этому или нет. Что, в свою очередь будет вызывать стремление Запада компенсировать их военно-политическими способами, закручивая спираль противостояния.

Следующее поколение американских и европейских руководителей столкнется с необходимостью принимать серьезные решения перед лицом утраты привычного места в мире, проигрыша глобальной конкуренции. Достаточны вероятны и более жесткие, милитаризированные сценарии, при которых какой-то из локальных конфликтов в Азии выльется в игру мускулов и войну нервов между крупными игроками (например, США и Китаем), чтобы оказать психологическое давление на оппонента и укрепить престиж. Многочисленные территориальные споры в Восточной Азии, ситуация на Корейском полуострове или индо-пакистанское противостояние содержат потенциал для острого конфликта с перспективой вовлечения великих держав. Однако не раз уже упомянутый ядерный фактор продолжит удерживать от большой войны. Жесткая конкуренция в сфере экономики, за которой будут стоять научно-технологические факторы, куда более вероятный сценарий борьбы за власть и влияние в XXI веке.

Поле битвы

В условиях невозможности масштабного военного столкновения и примата экономических факторов, роста влияния масс и важности контроля за состоянием их умов *основное соперничество перемещается из военно-политической области в интеллектуально-технологическую, экономическую и идеологическую сферы. Формирование нового мирового порядка совпадает с очередным прорывом в технической сфере – переходом на следующий технологический уклад* (шестой в терминах Н.Д. Кондратьева). Его основу составят развитие и конвергенция NBIC-технологий (нано-, био-, информационные, когнитивные). Развиваются клеточные технологии и методы генной инженерии, опирающиеся на использование электронных растровых и атомно-силовых микроскопов, соответствующих метрологических систем. Убыстрился прогресс робототехники, заменяющей людей на производстве, да уже и на войне. Расширяется потенциал компьютерной техники, способной производить себе подобных. На настоящий момент значительная научная база уже накоплена, но широкомасштабного внедрения в производство пока не происходит. Тем не менее, по достижении критической массы накопленных знаний и разрозненных инновационных событий этот процесс начнется. Параллельно получат все более широкое распространение ресурсосберегающие технологии (в том числе ВИЭ), к развитию которых будут подталкивать нехватка природных ресурсов и деградация окружающей среды. Энергоэффективность вообще становится лейтмотивом: обеспечение максимально возможной энергетической независимости – приоритет всех крупных стран-потребителей. И хотя универсального средства не существует, растет количество способов снизить зависимость. Каждое из направлений в отдельности не может оказать решающего влияния, но в совокупности они способны составить критическую массу.

Стоит подчеркнуть, что все это связано с технологическим прогрессом, политические способы решения проблем энергоснабжения становятся более затратными, а главное – из-за нелинейности и непредсказуемости процессов – зачастую оборачиваются противоположным результатом (пример, негативные итоги политики США на Ближнем Востоке, которая была нацелена, в том числе на упрочение позиций на энергетических рынках).

В научно-технологической сфере Запад имеет преимущество за счет накопленного веками потенциала. Несмотря на ударные усилия Китая и ряда других быстро развивающихся стран по наращиванию своего образовательного и научного потенциала, они попрежнему носят догоняющий и «копирующий» характер (хотя фора Европы постепенно улетучивается). Привлекательность США и Европы как мест жизни и работы (на обозримый период несопоставимая с другими странами) служит крупным конкурентным преимуществом, тем более что есть неиспользованные резервы проведения адресной миграционной политики, стимулирующей приток необходимых кадров. Коррекция бюджетных приоритетов с целью резко повысить вложения в научные исследования и разработки способна послужить катализатором научно-технологических перемен, которые позволят консолидированному Западу продолжать лидировать в конкуренции. Качество жизни и возможности для творческой самореализации становятся мощным инструментом для «высасывания» человеческого капитала из стран, где условия хуже – политически, экономически, социально, экологически.

Используя свое по-прежнему доминирующее присутствие в международных медиа, Запад, скорее всего, интенсифицирует идеологическую борьбу, пытаясь тем самым компенсировать относительный проигрыш в экономико-политическом соревновании. Способность производить идеи, образы и навязывать их остальному человечеству станет третьим – после экономики и технологий – важнейшим полем конкуренции. Соответственно возрастает и роль людей-производителей тем, не только знаний и технологий, но и смыслов и трансляторов образов, идеологий, так называемого «креативного класса». И хотя в нем повсеместно растут новые настроения, на Западе он пока в целом остается на стороне существующих порядков. Возрастает значение идей, людей и информационных технологий для обеспечения глобальных конкурентных позиций, в том числе и России. Не имея на своей стороне «креативный класс», странам и правительствам будет все труднее их обеспечивать.

Развивающиеся страны, обладающие значительными ресурсами, будут стараться создавать условия для удержания и привлечения необходимого кадрового потенциала. Самое острое соперничество развернется именно в этой сфере – за человеческие ресурсы, способные выводить на следующий уровень развития, за создание привлекательной модели развития, а все остальные инструменты, включая традиционные, как военная сила, останутся важным, но вспомогательным средством.

Возможна попытка создать идеологический подход, способный объединить «не-Запад», но появление фундамента для единой идеологии маловероятно. Незападный мир слишком культурно разнообразен и не склонен, в отличие от Запада, к универсалистским идейным конструкциям, а нахождение общего знаменателя возможно только на самом общем политическом и риторическом уровне (см. попытки найти общую идейную составляющую БРИКС). Теоретически можно представить себе возрождение антиколониального пафоса – новый виток обвинений «Севера» в отставании «Юга», но для этого консолидация «Севера» должна проходить в жестких формах откровенного протекционизма, направленного против «Юга». Впрочем, исключить такой сценарий нельзя. Россия в таком случае оказывается в сложном положении, поскольку, как бывшая империя, она едва ли способна поддерживать яркий антиколониальный пафос экс-колоний.

Политическое оформление конкуренции с западной стороны может быть разным, в том числе и ценностно мотивированным. До сих пор идеи «альянса демократий», выдвигавшиеся американскими политиками с 1990-х годов, разбивались о неразрешимую проблему – что делать с режимами, необходимыми Америке по геоэкономическим или геополитическим причинам, но не являющимися демократическими – такими, как Саудовская Аравия или Египет. Сейчас на этот вопрос наметился ответ. Если принимать на веру прогнозы Международного энергетического агентства относительно того, что к концу десятилетия США станут не просто энергонезависимой державой, но и крупным экспортером энергоносителей (благодаря сланцевой революции), то потребность Соединенных Штатов в Ближнем Востоке резко упадет. Тем более что сценарии развития события в этой части мира малоприятны, а демократизация ведет к успеху откровенно антизападных сил. Для Европы Ближний Восток, безусловно, много важнее. Но последовательные усилия ЕС по повышению энергоэффективности и появление иных возможностей (те же американские излишки или собственные сланцы, при всей деликатности экологической проблемы) постепенно могут снизить уровень зависимости от внешних поставщиков. Хотя ситуация может толкнуть Европу и в противоположную сторону – к компромиссу с энергодобытчиками. Тогда ее интересы с США разойдутся, и новый союз станет еще более эфемерным.

Без Ближнего Востока и Персидского залива идея «альянса демократий» выглядит более реалистичной. Дело, опять-таки, не в номинальной форме правления, а в базовой общности социально-политических установок. Сама по себе концепция «прав человека», являющаяся крупнейшим завоеванием западной цивилизации и вызывающая сегодня споры о том, насколько она применима в других культурных ареалах, может стать серьезным конкурентным преимуществом Запада. Благодаря применению философии прав и свобод личности на Западе (при реальном, но не жестком их ограничении – см. повсеместную слежку) создана среда, весьма комфортная для человека в любом смысле – от экологической обстановки до удобства жизни и возможности самореализации. С этой точки зрения Западу не просто не нужно навязывать эти представления кому-то другому, но, напротив, будет выгоднее сосредоточиться именно на комфортности и уникальности своей системы для привлечения нужных кадров. Переосмысление концепции «продвижения демократии» в администрации Обамы назад от территориальной экспансии – шаг в этом направлении.

Вместе с тем, нельзя исключить того, что если в США после 2016 года к власти придут реваншистско-консервативные силы, то вместо «мягкого» альянса демократий, они будут пытаться, опираясь на европейских единомышленников, сместить международную конкуренцию в военно-силовую область. Тогда вероятны «маленькие победоносные войны» по типу ливийской либо новые попытки использовать региональные и локальные конфликты себе на пользу (Сирия), либо даже создание военно-политических проблем по периметру Китая или России (Кавказ, Центральная Азия).

Активизируются и попытки психологического давления на Россию (но главным образом на Китай) через маневры по созданию ПРО. В любом случае военно-политическая борьба будет и дальше перемещаться в киберпространство, где постепенно сформируются возможности, сходные по поражающей способности нанесения ущерба населению и экономике противостоящей стороны, с традиционным оружием массового поражения. Как сдерживать и отвечать на все это – до конца неясно.

Главными вызовами безопасности и суверенитету России будут два –мягкий, но мощный – медленное укрепление Китая, имеющего традиционную цель – поставить соседние государства в зависимость от себя, и жесткий, но ограниченный – со стороны разваливающегося Ближнего Востока и связанного с ним радикального ислама, способного распространяться на сферы влияния и интересов России и даже внутри страны. Этот вызов может быть усугублен, как говорилось, деятельностью США в случае прихода в них партии реванша.

Главные возможности России в новых условиях связаны с использованием доходов от сбыта углеводородов для наращивания человеческого капитала в целом (вложения в образование и здравоохранение, культуру (см. соответствующие главы Стратегии)), территориально – прежде всего для всестороннего развития Дальнего Востока и Забайкалья посредством их интеграции в тихоокеанский рынок. Конкурентные преимущества региона следует использовать с учетом внешних потребностей – развитие водоемких производств, современного сельского хозяйства, глубокой переработки сырья. Развитие и сохранение местного человеческого капитала и привлечение части того, что переместился в центр России и в сопредельные страны. Пока Забайкальской стратегии у России, несмотря на все заявления, нет. Что серьезно снижает ее потенциал в Азии.

С чем столкнется Россия?

В постсоветскую эпоху (1992 – конец 2000-х) Россия, несмотря на тяжелейший революционный кризис 1990-х годов, восстановила свой статус в качестве значимой международной силы, с которой приходится считаться. По совокупности показателей Россия дефакто является третьей державой мира (после США и Китая). В следующий этап развития Россия вступает, имея на вооружении отработанный до мастерства, но тяжеловесный и довольно скудный внешнеполитический арсенал, в котором, несмотря на риторику о необходимости укрепления «мягкой силы», доминирует сила жесткая, в основном опора делается на традиционалистские подходы. Экономические рычаги влияния сохраняют действенность, но основным из них остается энергетика, и ее эффективность может снижаться по мере изменения мировой конъюнктуры.

Встает вопрос о дальнейшем целеполагании. Традиционная раздвоенность сознания (Восток-Запад, Европа-Азия, Евразийство – Евроатлантизм и пр.) скрывает сегодня нежелание выбрать для себя какой-то вектор развития. Отчасти это связано с объективными обстоятельствами – в мире тотальной неопределенности свобода рук и маневра является ценным активом, а связать себя обязательствами значит заведомо ограничить спектр возможностей на случай непредвиденного развития событий. Однако рациональная осторожность по части вступления в обязывающие связи сопровождается внутренней невнятицей относительно желательного образа политики страны, экономической стратегии и места России в мире. Пока Москва пытается играть на многих досках, одновременно представляя себя как часть Европы, часть «не-Запада» (БРИКС), единомышленник Китая (по глобальным вопросам), оппонент США, но и крупнейший их контрагент (в сфере ядерного разоружения и нераспространения), ключевой участник «Большой восьмерки». Та же евразийская идея то интерпретируется как нечто, противопоставленное Европе и Западу, то как естественная составная часть большого евро-азиатского пространства от Лиссабона до Владивостока.

Россия находится в поиске новой постсоветской идентичности (в самом начале этого пути), а без культурно-исторического и ментального самоопределения сформулировать внешние ориентиры невозможно. Выжидательная тактика оправдана в одном случае – если Россия, сознательно не делая выбора на будущее, серьезно и целенаправленно готовится к ответам на связанные с ним вызовы, расширяя свои возможности на случай всякого исхода глобальной конкуренции. Позиции в любом из вероятных мировых порядков зависят от способности решать проблемы внутреннего развития. Пока этого не происходит, верх и во внутренней, и во внешней политике взял подход, нацеленный на консервацию, сохранение статус-кво, проигрышный уже в среднесрочной перспективе. Однако развитие общественной ситуации в России и перемены на мировой арене уже скоро заставят корректировать сугубо консервативный курс. При выработке политики придется учитывать следующие обстоятельства.

Опора преимущественно на военную мощь больше не способна обеспечить сохранение влияния на глобальном уровне. Применение военной силы на нижних «этажах» международных отношений может стать более вероятным, особенно учитывая прогрес-

сирующую дестабилизацию и распад Ближнего Востока и рост там воинствующего религиозного экстремизма. Но стержневая конкуренция развивается в иной плоскости, и военно-стратегический фактор уже не в состоянии компенсировать слабость на других направлениях. Эффективные вооруженные силы, обладающие гибкими возможностями развертывания на случай локальных конфликтов и достаточным ядерным потенциалом сдерживания, мощными возможностями киберборьбы, необходимы как гарант предотвращения давления, невмешательства в российские дела и избегания втягивания страны в войны. Иных задач военной силой уже не решить. Способность решать такие проблемы будет продолжать добавлять к совокупной мощи России, но компенсировать другие слабости сможет в уменьшающейся степени. Сказанное не означает призыва к сокращению усилий по модернизации военного потенциала России – сдерживание на всех уровнях останется остро необходимым, особенно в условиях высокой неопределенности ситуации, но – не за счет развития других, более важных «умных» факторов мощи. Да и военная сила будет все больше зависеть от качества солдат и их оснащения.

Главным направлением соперничества становится экономическая конкуренция с опорой на технологическое превосходство и с заметной идеологической составляющей. Оно обеспечивается консолидацией интеллектуальных ресурсов и максимальным привлечением качественных кадров – собственных и внешних. Инвестиции в науку и образование еще в большей степени, чем раньше, становятся залогом стратегического успеха, а качество человеческого капитала, в том числе элиты, правящего класса, определяет способность максимально эффективно использовать эти инвестиции.

Тенденции формирования нового технологического уклада несут России двойную опасность. С одной стороны, по всему спектру NBIC-технологий Россия безнадежно отстает от развитых и ведущих развивающихся стран. Это отставание накапливалось в течение десятилетий, поэтому быстро ликвидировать его чрезвычайно сложно. Доминирующие технологии шестого технологического уклада опираются на достижения пятого – на информационные технологии, телекоммуникации, роботехнику, генную инженерию, нейропсихологию и т.д., а в этих областях Россия далека от лидеров.

С другой стороны, технологические сдвиги способны подорвать текущую модель экономического развития, сложившуюся в России. Ресурсосбережение и приоритетная опора на человеческий капитал, необходимая для развития NBIC, неизбежно снизят относительную ценность ископаемых ресурсов (особенно топливных), составляющих основу российского национального богатства, что будет представлять серьезный вызов для российской экономики.

В этих условиях для России оптимальной стратегией является:

1. Поиск узких ниш на рынках товаров шестого технологического уклада, в которых Россия потенциально может стать конкурентоспособной (например, аграрные биотехнологии).

2. Стимулирование развития технологий ресурсосбережения. Для них существует огромный внутренний рынок, определяемый значительным потенциалом наращивания эффективности использования ресурсов в стране.

3. Встраивание в глобальные каналы диффузии инноваций для максимально быстрого внедрения в России генерируемых в других странах технологий. Ключевым элементом таких каналов должны выступать участвующие в международной научной кооперации университеты и исследовательские центры (в том числе академические), а также современные формы связи с науки с производством – технопарки и венчуры.

Глобальная среда, ныне практически неуправляемая, начинает структурироваться на зоны определенных правил, которые будут взаимодействовать друг с другом (сотрудничать и конкурировать). Способность экстраполировать свои нормы и интересы на других становится важнейшей составляющей успеха. Интеграционные проекты, начатые Россией (Евразийская интеграция), должны развиваться. Но даже в случае успешного развития идеи Евразийского союза Москве вряд ли удастся консолидировать вокруг себя экономическую группировку, равную с теми, что, скорее всего, будут формироваться по обе стороны от границ России – на евроатлантическом и тихоокеанском направлении. Евразийская интеграция важна как тест на способность России объединить вокруг себя другие государства современными средствами: предложение привлекательных условий и взаимных выгод, а не принуждение.

Направление, в котором будет меняться баланс сил в мире, непредсказуемо. Все основные игроки – США, Европейский союз, Китай, поднимающиеся державы бывшего «третьего мира» – переживают время неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне. Однако практически при любом сценарии (возрождение Запада, упадок Запада и резкий подъем Азии во главе с Китаем, противостояние примерно равных нового «Запада» и нового «Востока» и даже гипотетическое объединение исламского мира) образуются общности, кратно более сильные в экономическом и демографическом плане, чем Россия. Выбор в пользу какой-то из них будет означать ту или иную форму подчиненного положения, на которое Россия в ее нынешнем неопределенном, но относительно стабильном состоянии едва ли будет готова в обозримом будущем. Россия более, чем кто-либо, заинтересована в сохранении общего баланса, который позволит продолжать курс маневрирования. Это особенно важно еще и потому что при всяком развитии событий Россия не утратит свою базовую раздвоенность – европейскую культурную идентичность при преимущественном географическом расположении в Азии. Культурно-историческая ориентация на Европу не должна означать европо-центричную политику, поскольку эпоха европоцентризма в мире, вероятно, закончилась, но и разворот в сторону Азии не изменит и не должен менять ментальной принадлежности России к Европе. Поскольку это означало бы потерю идентичности и части импульсов к модернизации.

Острота локальных конфликтов и нестабильности вдоль российских границ (Афганистан, последствия «арабской весны», распад Сирии, Ирака, Афганистана, Иран, Центральная Азия и пр.), *выведут регион на уровень первостепенного международного вызова для страны.*

Вопрос, на который придется отвечать в самое ближайшее время – какую границу Россия готова защищать. Иными словами – докуда простирается пространство, которое государство считает жизненно важным для своего существования и развития? Какая часть территории прежней страны в него входит? Наиболее остро этот вопрос встанет в отно-

шении Центральной Азии, но переосмысление возможно и по другим направлениям – вплоть до изменения взгляда на Украину как на «исконную» территорию, борьба за доминирование на которой является аксиомой и самоцелью

Важнейшее средство противодействия проблемам, связанным с вызовами с сопредельных территорий – в сфере внутренней, а не внешней политики. Так, главная опасность связана с ростом влияния радикального ислама на российское общество и возможным нарастанием миграции, в том числе лиц, несущих такие настроения. И то, и другое требует в первую очередь внутриполитических ответов: помимо эффективных действий правоохранительных органов – формирование общероссийской национальной идентичности, устойчивой к внешним вызовам.

Осложнение внешней обстановки вновь подчеркивает необходимость создания вооруженных сил, нацеленных на будущие конфликты и соответствующим образом оснащенных. Преодоление советских подходов к военному строительству, преодоление коррупции в ОПК являются залогом нового курса, в основе которого будет лежать готовность общества и элит платить за современных защитников и уважать их.

Желанное и нежеланное завтра

На протяжении двадцати лет после распада СССР Россия по существу решала на международной арене одну задачу: выживание после революции начала 1990-х гг. и преодоление последствий этого события. Сейчас мир вступает в фазу возникновения нового мирового устройства – впервые без крупных, особенно мировых, войн. Новые критерии до конца неясны, но неспособность правильно определить их сущность грозит выпадением из магистрального потока истории.

Видимо, опасность, которая грозит положению России в мире, заключается в превращении ее в «державу статус-кво», страну из прошлого, пытающуюся, мобилизуя остающиеся возможности, играть на удержание ситуации, которая неизбежно будет быстро меняться. Такое, в принципе, может сработать на определенный период, если остальные ведущие игроки будут совершать грубые ошибки, как это было с США в 2000-е годы, когда они подрывали собственные позиции. Но подобное позиционирование влечет за собой формирование соответствующей идеологии – консервативно-традиционалистской, построенной на неприятии перемен. Поскольку предотвратить перемены невозможно (мир перестраивается), страна будет объективно сдвигаться к более и более охранительной позиции, стремясь отгородиться от всяких внешних влияний, даже если официально будет провозглашаться иное. Так можно пытаться замедлить на какое-то время влияние внешних процессов на внутреннюю ситуацию, однако для автаркической модели нет ни достаточных ресурсов (прежде всего человеческих), ни современной идеологии, ни убедительной внешней угрозы. Коммуникационная открытость, сворачивание которой невозможно и по технологическим, и по чисто бытовым причинам, исключает создание замкнутой информационной реальности, оторванной от остального мира, как это случалось в XX веке. Развитие в отрыве от внешних рынков технологий и идей в растущей степени невозможно, что, кстати, давно понял Китай.

Россия, обращенная к некоему «золотому веку» (будь он в советское или досоветское время), по определению не станет центром притяжения, поскольку магнитом может служить образ, который построен вокруг идеи движения вперед и развития, а не вокруг призыва к консервации или возвращению в прошлое. Тем более, что это прошлое не было привлекательным для многих соседей. Это касается как других стран, так и человеческого капитала, конкуренция за который, как сказано выше, превращается в основной процесс будущих десятилетий. Сказанное не означает, разумеется, призыва к забвению собственной истории и культуры, того лучшего, что в ней было. Напротив, это должно стать одни из базовых ресурсов России (см. главы Стратегии XXI по культуре, образованию, исторической памяти).

В современном мире нет примеров опережающего развития в условиях закрытости. Цель всех стран – использовать внешние ресурсы для внутреннего прогресса (что не исключает, конечно, регулирования и защиты), а не наоборот – тратить внутренний потенциал на оборону от внешнего мира или на традиционную экспансию. Последняя всегда было «фирменным знаком» России, но больше не даст результата. Попытка построить «бастион стабильности» против внешней стихии чревата риском маргинализации, утраты международной значимости статуса великой державы на фоне глобальной перекройки.

США предприняли две попытки – в Ираке и Афганистане – закрепить силой свою «победу» в холодной войне, они не только потерпели поражение, но и девальвировали свои прежние гигантские инвестиции в военную силу.

Технологические и политические перемены в мире подрывают основы сегодняшнего влияния России. Ядерный статус, оставаясь крайне важным для уверенности в собственной безопасности, не является инструментом активной политики. Энергетические рынки быстро меняются, превращая трубопроводную дипломатию в анахронизм. В среднесрочной перспективе производители углеводородов могут столкнуться с необычной проблемой – им придется в возрастающей степени бороться за потребителя, а не наоборот, что меняет традиционную геополитическую психологию.

Российские ресурсы, которые будут приоритетно востребованы в дальнейшем (вода, плодородные земли) требуют совершенно иных уровней технологий (производство водоемкой продукции и эффективное сельское хозяйство) для того, чтобы иметь возможность эти конкурентные преимущества превращать из теоретических в реальные. Во всех сферах, в том числе ресурсных, все большую роль играет технологическое состояние, а это, в свою очередь, снова ставит вопрос о высококвалифицированных и мотивированных кадрах.

В силу своей традиции, политического «генетического кода» Россия не готова на подчиненную интеграцию в какие-либо большие структуры и на второстепенную роль. Изоляция же и полностью автономное существование если и возможны (попытка), то губительны. Поэтому перед страной стоит крайне сложная задача. Сохранить независимое положение, суверенитет, оставаясь открытой для взаимодействия со всеми крупнейшими центрами влияния, но не вступая ни с одним из них ни в союзнические, ни в конфронтационные отношения. (Возможность альянса может открыться в случае провала проекта «нового Запада» и появления в Европе дееспособного лидерства, например, во главе с Германией). Россия объективно не в состоянии стать равным по мощи полюсом ни с гипотетически возрожденным Западом, ни с Китаем, который распространит свое влияние на большую часть Азии.

Только использование потенциала всех партнеров для собственного развития позволит России сохранить свой весомый и независимый статус, чтобы использовать его для максимизации политических и экономических выгод. Для этого требуется неконфронтационная политика, основанная не на соглашательстве, а на национальном эгоизме, открытость во имя укрепления себя. Риторика о «самостоятельном центре силы» нецелесообразна, поскольку автоматически подразумевает противостояние другим центрам, резоннее подчеркивать самостоятельный и гибкий характер внешней политики.

Извечной российской дилеммой было противоречие между целями и устремлениями государства и граждан, примат интересов национального развития, формулируемых властью, над интересами конкретного человека. Особенности современного мира, в котором конкуренция за человеческий капитал и конкуренция собственно человеческих капиталов становится главным видом соперничества вообще, снимают это противоречие. Национальный интерес, национальная безопасность, интерес государства заключается именно в том, чтобы обеспечить россиянину максимальные возможности для самореализации и наиболее комфортную среду для жизни и работы в интересах себя и Отечества.

И может быть главное: Россия должна устремиться вперед, стать страной будущего, наращивающей человеческий капитал, расширяющей производство, осваивающей еще неосвоенные территории, готовой использовать адекватную обстоятельствам военную силу по новым правилам. Необходимо преодолеть восприятие России как «убывающей державы», страны без великого будущего.